

РАН и практика – уроки взаимодействия

Дорогой читатель, первый номер нашего обновленного журнала выходит в свет в феврале 2024 года, который отмечен значимым событием – 300-летием Российской академии наук. Юбилейная дата – не только и не столько повод для перечисления прошлых успехов, сколько основание для раздумий по поводу полученного опыта и извлеченных из него уроков.

Создание Академии наук было отражением того важнейшего обстоятельства, что без получения, накопления и продвижения знаний (в самом широком их понимании) невозможно развитие нашего Отечества. При этом отличительными чертами Российской академии на протяжении всей ее истории были, с одной стороны, тесная связь с практикой, с другой – системный, междисциплинарный характер исследований – не столько «на бумаге», при составлении планов и программ, сколько в реальном исследовательском процессе – от идеи до подходов к решению сложнейших прикладных задач, а затем накоплению и передаче полученных знаний в системе образования. Многие выдающиеся результаты, которые получены в стенах и при активном участии РАН, своим появлением обязаны именно данному обстоятельству.

Процесс формирования, накопления и приумножения знаний на протяжении всей истории Российской академии наук был тесно связан с решением проблем социально-экономического развития страны. Прежде всего – с освоением и, говоря современным языком, «монетизацией» ее огромных пространств. В активе славных дел Академии такие знаковые проекты, как Северная экспедиция (XVIII век), научное «сопровождение» строительства Великого Сибирского Пути (Транссиба) (XIX век) и социалистической индустриализации (вторая четверть – середина XX века), позднее – создание оборонной и аэрокосмической промышленности, разработка основ комплексного освоения и использования минеральных ресурсов.

«Школу Транссиба» в свое время прошли многие выдающиеся инженеры и исследователи (среди них немало было членов Академии) – Э.Э. Анерт, Д.И. Менделеев, А.И. Воейков, А.А. Кауфман¹, Д.А. Клеменц, В.Л. Комаров, В.А. Обручев² и др., важнейший ее результат – формирование

¹ Азиатская Россия. Том третий. Приложения. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. С. Петербург, 1914. СЛIII с.

² Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период четвертый (1889–1917). М.-Л.: Издательство Академии наук. 1937. 573 с.

подходов, использованных в последующем в ходе решения таких больших экономических «проблем», как Ангаро-Енисейская и Урало-Кузнецкая. Именно важность системного подхода и необходимость включения в комплексные проекты передовых знаний породили идею проведения масштабных конференций при активном участии Академии – Иркутской (1947 г., 1958 г.), Кузбасской (1948 г.), Новосибирской (1980 г., 1985 г.) (статья Э.Ш. Веселовой).

Активная роль Академии в организации и проведении данных конференций была обусловлена масштабностью и сложностью решаемых проблем. Ни тогда, ни сейчас ни одна организация (учреждение, ведомство) в отдельности не обладает для этого достаточно широким спектром знаний, и Академия наук в этом смысле выполняет роль междисциплинарного интегратора (не путать с координатором), что и определяет ее место в системе общегосударственных институтов России.

С сожалением приходится отметить, что успешно реализуемый в рамках Академии междисциплинарный подход до сих пор работает не так, как хотелось бы, в хозяйственной практике, при решении социально-экономических проблем страны и ее регионов (см. статьи А.В. Алексеева о разрыве триады «выпуск продукции – мощности – инвестиции»; Н.В. Пахомовой и А.В. Заединова об ограниченности узкоэнергетического подхода при решении проблемы энергоперехода).

По мнению автора данных строк, ключ к успеху здесь – следование принципам системности, междисциплинарности на всех этапах жизненного цикла «проекта» – от разработки (проектирования) до реализации того или иного решения. К сожалению, в последние 3–4 десятка лет все сколь-нибудь значимые проекты социально-экономического развития основываются главным образом на узкоотраслевых (корпоративных) интересах и предложениях, которые приходится встраивать в существующую систему внешних связей с внешней средой, – путь, заведомо обреченный на неудачу. Практика показывает, что согласовать и найти взаимоприемлемое решение по тем вопросам, которые изначально разработаны на уровне отдельных отраслей, ведомств и корпораций, невозможно.

Гениальность творцов междисциплинарного подхода к решению Ангаро-Енисейской и Урало-Кузнецкой «проблем» – Н.Н. Баранского³ и Н.Н. Колосовского (ведущих специалистов Совета по изучению производительных

³ Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана / Учеб. пособие для ВУЗов и КомВУЗов. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. 334 с.

сил, входившего в орбиту АН СССР) – состояла в том, что они отчетливо видели ограниченность и неэффективность узкоотраслевых предложений: «Теоретически несомненно для каждого конкретного случая существует предельная степень концентрации комбинирующихся предприятий, дальше которой концентрация становится невыгодной. Наступает момент, когда комбинат начинает превращаться в неудобное сожительство предприятий, теряющее и экономический и технический смысл. Наконец теоретически может получиться в проекте уродливое нагромождение предприятий, – т.е. проект локального комбината может приводить к самоотрицанию комбинирования... Иначе говоря, каждый проектируемый нами локальный комбинат должен проверяться на “гибкость”, “эластичность” частей при возможном расширении производства»⁴.

Преодоление потенциальной инерционности и негибкости в развитии «комбинатов» (читай – «производственных комплексов») виделось в развитии горизонтальных связей и взаимодействий с предприятиями на региональном уровне. Априори предполагалось, что их создание не только послужит основой для роста современной промышленности и сельского хозяйства на конкретной территории, но и даст толчок процессам ее эволюционного саморазвития в экономическом и научно-техническом направлениях.

Увы, на практике подходы к решению вопросов организации хозяйства и страны в целом, и Сибири в частности, постепенно трансформировались от системных и экономически обусловленных к командно-административным, акценты в управлении проектами развития производительных сил смещались до узкоотраслевых, а функции территорий сжимались до роли места приложения усилий различных ведомств. Координация интересов потенциальных участников если и имела место, то лишь на начальной стадии проработки ключевых параметров проектов, в то время как дальнейшее их развитие всецело определялось специализированными приоритетами (было прерогативой сначала наркоматов, затем отраслевых министерств, сейчас – корпораций).

Программные документы, главным образом основанные на ведомственных (включая ЦБ и специализированные структуры госуправления) и корпоративных процедурах разработки и согласования, отличает не только узконаправленный характер, но и известная негибкость и невосприимчивость к неизбежным изменениям.

⁴ Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. 136 с. [С. 7].

С этой точки зрения опыт Академии наук при реализации междисциплинарного подхода представляется чрезвычайно злободневным. Особенно – в качестве интегрирующего института в процессе организации принятия и реализации «судьбоносных» решений. К сожалению, например, на конференции в Кемерово в ноябре 2023 года данные вопросы не нашли приемлемого отражения (статья Э.Ш. Веселовой).

Российская академия наук – уникальное явление в жизни нашего Отечества. Накопленные поколениями исследователей знания, творческий дух и тесная связь с судьбой страны всегда были решающими факторами ее развития и останутся таковыми на многие годы вперед.

Главный редактор журнала,
академик РАН

КРЮКОВ В.А.